

Научная статья

УДК 821.161.1(091) + 325.2“19” + 82-1/-9

DOI 10.15826/izv1.2023.29.1.014

ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX В. В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БОЛДЫРЕВА-ШКОТТА

Ксения Олеговна Наумкина

*Литературный институт им. А. М. Горького,
Москва, Россия,
dvoretskayko@mail.ru*

А н н о т а ц и я. В статье анализируется творчество писателя первой волны русской эмиграции Ивана Болдырева-Шкотта. Материалами исследования являются повесть «Мальчики и девочки», а также не исследованные ранее рассказы «Пирожки Ивана Степановича», «Анюта», рукопись не опубликованного при жизни писателя рассказа «Мудрость леса». Выделяются связи произведений Болдырева с различными художественными тенденциями литературы начала XX в. Анализируются стилистические особенности повести «Мальчики и девочки» и выявляется связь произведения с традицией орнаментальной прозы А. М. Ремизова. Опубликованные в эмигрантской периодике «Пирожки Ивана Степановича», «Анюта» сопоставляются с «Рассказами Назара Ильича господина Синебрюхова» М. М. Зощенко. Рассматривается сюжетная структура и лексика рассказа «Мудрость леса», а также влияние на стилистическую манеру автора в этом рассказе романтических легенд А. М. Горького, А. И. Куприна, В. В. Вересаева. На основании писем писателя делается предположение о возможном времени создания рассказа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Иван Болдырев-Шкотт; первая волна русской эмиграции; орнаментальная проза; городской сказ; романтическая легенда

REFLECTION OF THE ARTISTIC SEARCH FOR LITERATURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY IN THE WORK OF IVAN BOLDYREV-SHKOTT

Ksenia O. Naumkina

*A. M. Gorky Literary Institute,
Moscow, Russia,
dvoretskayko@mail.ru*

A b s t r a c t. The article analyzes the work of Ivan BoldyrevShkott who was the writer of the first wave of Russian emigration. The materials of the research are the novella

© Наумкина К. О., 2023

“Boys and Girls”, as well as the previously unexplored stories “Ivan Stepanovich’s Pies”, “Anyuta”, the manuscript of the story “Wisdom of the Forest”, which was not published during the writer’s lifetime. The connections of Boldyrev’s works with different artistic trends of literature of the beginning of the XX century are highlighted. The stylistic features of the story “Boys and Girls” are analyzed and the connection of the work with the tradition of ornamental prose by A. M. Remizov is revealed. Published in the emigrant periodicals “Ivan Stepanovich’s Pies”, “Anyuta” are compared with “The Stories of Nazar Piyich Mr. Sinebryukhov” by M. M. Zoshchenko. The plot structure and vocabulary of the story “Wisdom of the Forest” are considered, as well as the influence on the stylistic manner of the author in this story of the romantic legends of A. M. Gorky, A. I. Kuprin, V. V. Veresaev. Based on the writer’s letters, an assumption is made about the possible time of the creation of the story.

К e y w o r d s: Ivan Boldyrev-Shkott; the first wave of Russian emigration; ornamental prose; urban fairy tale; romantic legend

Писатель первой волны русской эмиграции Иван Шкотт родился в Москве в 1903 г. В 1933 г. он покончил с собой в Париже в возрасте 29 лет. Известность он обрел под псевдонимом Иван Болдырев как автор повести «Мальчики и девочки» и часто считается автором одного произведения. Это не было чем-то необычным для младшего поколения писателей-эмигрантов. Авторами одной книги назывались и М. Агеев (Марк Леви, обративший на себя внимание «Романом с кокаином»), и Виктор Емельянов (роман «Свидание Джима», написанный от лица ирландского сеттера).

В 1928 г. в журнале «Воля России» (журнал печатался по новой орфографии) были опубликованы четыре главы повести «Мальчики и девочки». С небольшими изменениями и уже по старой орфографии повесть вышла отдельной книгой в 1929 г. в издательстве «Новые писатели». В 1930 г. в периодике появились отзывы на книгу: в газетах «Россия и Славянство» [Зайцев], «Сегодня» [Пильский], а также журналах «Современные записки» [Зензинов] и «Числа» [Червинская]. В книге в основном видели ценное «свидетельское показание», написанное честно и убедительно, но не без излишеств «под Ремизова».

В настоящее время исследователи обращаются к повести писателя в контексте изучения литературы младшего поколения первой волны эмиграции [Дмитриев, Летаева]. Также повесть «Мальчики и девочки» рассматривается в контексте советской литературы: в работе М. А. Литовской и Ю. В. Матвеевой повесть Болдырева сопоставляется с повестью Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» [Литовская, Матвеева, 2008]. В статье В. В. Дмитриева внимание направлено на технику «включения образов прошлого в художественный текст», сюжет взросления [Дмитриев, 2016]. О других произведениях Болдырева упоминает библиографический словарь, где говорится, в частности, о том, что хотя и есть сведения о рассказах Болдырева, «попытки их публикации не удалось, и тексты, по всей вероятности, были уничтожены автором» [Грачева, Дворникова, с. 254].

Однако в наследии Ивана Болдырева-Шкотта существует несколько рассказов, опубликованных в периодике русского зарубежья: «Записки Ивана Степановича» [Радов, 1927], «Анюта» [Болдырев, 1928], в архиве журнала «Звено» сохранилась также рукопись неопубликованного рассказа «Мудрость леса» [РГАЛИ, ф. 2475, оп. 1, ед. хр. 492]. Включение новых материалов в исследование позволяет шире взглянуть на творчество Болдырева и выявить связь его произведений с различными направлениями русской литературы начала XX в.

Повесть И. Болдырева «Мальчики и девочки» рассказывает о советской трудовой школе 1919 г. В книге 9 глав, соответствующих 9 месяцам учебного года, и каждая глава состоит из отдельных эпизодов, разделенных типографски двумя тире или тремя звездочками.

Стилистические особенности повести весьма характерны. Сразу же обращает на себя внимание пунктуация: обилие двоеточий, точек с запятой, тире, их нестандартное использование. «Удрученные “музыканты” отдали себя в распоряжение Френкеля: Френкель допрашивает, аккуратно заносит в книжечку подробности: Френкелю — карьера: мельчайшая ничтожность Френкелю — интерес» [Болдырев, 1929, с. 110]; «Неприятностям зачинщик — “Бублик”, — такое счастье: первому грех увидеть —» [Там же, с. 9]. (Здесь и далее примеры из издания 1929 г. приводятся в новой орфографии.) В этом примере два знака тире заменяют точку.

Сидели после уроков, мудрили —

КАТЯ (раздумчиво). Достоевский — замечательный [Там же, с. 25].

Здесь два знака тире позволяют мысленно поставить и точку, и многоточие, а могут быть особым знаком, отображающим смену рода литературы: далее до конца главы — драматические диалоги. Еще пример:

Март случился месяцем происшествий: в конце марта вот такая история — «Лезет и лезет», — плачет Хаскин... [Там же, с. 124].

Особое использование пунктуации позволяет автору ярче выделять в предложениях периоды — фразы, составленные по общей схеме, иногда следующие непосредственно друг за другом, иногда разделенные неперIODической речью. «Любимец — Воробьев: танцор, — Сережу девочки побаиваются: гордый, — Шурка — хуже пугала: со всеми грубиян» [Там же, с. 17–18]; «В школе три телефона: один в директорском кабинете — телефон ученических представителей, — в учительской: телефон педагогов, — третий телефон в раздевалке: кто пожелает» [Там же, с. 20].

Для достижения художественных целей используются и типографские приемы. Отдельные части повествования, сны героя или «коронная история», выделены на странице сужением полотна текста [Там же, с. 56, 89]. В главе «Диалоги» появляется новый прием: самые сильные душевные переживания героев отражаются в разрыве предложений на отдельные фразы и слова, каждые с новой строки.

Михаил Осипович — к старушке жене, мыкать вдвоем горькую старую жизнь: жене поведать свои думы,

перед женой облегчить душу признанием в
недостойной озлобленности и отчаянии души своей,
выпить чашку горячего, женой приготовленного чаю [Болдырев, 1929, с. 110];

Шурка провел рукой по пушистому кенгуровому воротнику:
ласка пушистого мягкого воротника — Катина ласка,
потому что воротник, — Катин [Там же, с. 115].

Объединение этих двух приемов усиливает драматизм «лирического отступления» — описание Москвы 1919 г. и народа, всеми силами выживающего в революционное время.

И они пошли по грязным московским улицам, не замечая нищенства города —
будто окатили Москву из помойного ведра,
из тысячи тысяч поганных ведерок плеснули
на московские дома и улицы нечисть,
Москва в 19-ом году такая.

<...>

Деревянные дома старой стройки растащили
на топливо:

это самое страшное, если в комнате вода превращается
в лед, если ночь надо спать не
раздеваясь, нахлобучивая на себя одеяла,
пальто, всю оставшуюся дрань!

<...>

И кто из народа принимал революцию всерьез!?

«А и чего поделаешь, оно не жить как же?!

«Перемелется все и надо терпеть!» [Там же, с. 116–118].

Для звуковой выразительности автор нередко использует аллитерацию: «...Тычкову Владимиру — тырча...» [Там же, с. 9]; «Рванула революция...» [Там же, с. 84], в некоторых случаях — тавтограмму и тавтологию: «...обмирала в обморок...» [Там же, с. 18]; «Ткань платья трепещет трепетным телом...» [Там же, с. 56].

Как в прямой, так и в авторской речи часто встречаются поговорки, цитаты и фразеологизмы в измененном виде: «Мышь родила гору» [Там же, с. 16]; «Сколько раз твердили миру, будь умерен!» [Там же, с. 44]; «драконова тощица» [Там же, с. 53] и т. д.

Отдельного внимания требуют фольклорные интонации повести, а также объединение фольклорных интонаций с реалиями большевистского времени: «Авдеево воинство бьется, как честь велит; Авдеев грозитя, что по телефону Чека вызовет...» [Там же, с. 94].

В эмиграции Иван Болдырев регулярно встречался с А. М. Ремизовым, вел переписку¹ и, по свидетельству Зинаиды Шаховской, называл его своим учителем

¹ Письма сохранились в архиве Amherst Center for Russian Culture. Здесь цит. по: [Шкотт].

[Шаховская]. Романы и повести Ремизова и повесть Болдырева имеют схожие стилистические особенности.

Постоянно используются повторы. Пример из повести А. М. Ремизова «Крестовые сестры»²: в одном абзаце фраза «Маракулин признавался» трижды начинает новые предложения «И еще Маракулин признавался...», а затем появляется в пятый раз: «И еще признавался Маракулин...» [Ремизов, 2001, с. 98]; «И сидел так с единой ноющей болью далекого, ничего не видя, не слыша, с единой ноющей болью невозвратного» [Там же, с. 21]. Повторяются и целые предложения, развивая мысль за счет небольших изменений. «Так, в этом роде что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось: терпи» [Там же, с. 102]; «Так, в этом роде что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось: забудь» [Там же, с. 103]; «Так, в этом роде что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось: не думай» [Там же, с. 104].

В тексте А. М. Ремизова часто встречаются измененные фразеологизмы и известные цитаты: «человек человеку бревно»; «был он во всем, стал ни в чем» [Там же, с. 101]; «Если не обратитесь и не будете, как дети, мир не переменится» [Там же, с. 31]. Круг отсылок у Ремизова шире — цитат из Библии нет в тексте Болдырева.

И Болдырев, и Ремизов неоднократно употребляют окказионализмы. У Ремизова: «обузнее» [Там же, с. 7], «напихтеривался» [Там же, с. 21], у Болдырева: «скапердился», «не туалеться» и т. д. Используются аллитерации:

разрасталась рана [Ремизов, 2000, с. 8];

Снаружи стояла суетня [Ремизов, 2001, с. 14].

Питала пламя.

Пылала.

Пылала ярко-радужно, как восковая, золоченая [Там же, с. 24].

Прием, используемый Болдыревым в главе «Диалоги», — разделение предложения на отдельные строки, часто использовался и А. М. Ремизовым. Пример из рассказа «Суд Божий»:

«А не искушение ли это?» — шевельнулась чуть внятная мысль, и тотчас о. Иларион перевел глаза и, вздрогнув, потупился:

какой-то господин, стоя у двери, выходящей на площадку противоположного вагона — первого класса,

упорно смотрел на него [Ремизов, 2000, с. 428];

А когда вошел в церковь, тут уж от досады чуть не заплакал: посреди церкви стоял гроб [Там же, с. 436].

Так же обильно, как и в повести «Мальчики и девочки», в прозе А. М. Ремизова используются тире: «В семьдесят седьмом — тоже соседняя квартира — одно

² Впервые роман «Крестовые сестры» был опубликован в 1910 г.

время жили два студента — Шевелев и Хабаров» [Ремизов 2001, с. 115]; «Тронешь ее, — залетится кровью, спросишь, — затопит песней» [Там же, с. 35].

Двойные тире почти не встречаются у других авторов³, но А. М. Ремизовым используются многократно. «Когда-нибудь потом я расскажу вам и совсем про другое и совсем по-другому —» [Там же, с. 283]; «— Вот погляжу на людей, и все какие-то настоящие —» [Там же, с. 414].

В романе «Плачущая канава»⁴ разделение предложений на строки объединяется с использованием особой пунктуации, в том числе и двойным тире.

И послал Господь своих ангелов в плачущую канаву небесной росой утолить горький плач, — и спустились ангелы Божии на самое львиное дно —
без них измёрли, измёрзли, задохнулись бы все мы в тесноте и тощете и отчаянии!

и вот от крыльев загорелись звезды, повеяло райским веем, и голос, как оклик, прозвучал по заре — [Там же, с. 457].

Схож у писателей и ритм фраз, у Ремизова, так же как у Болдырева, нередко предложения, составленные из периодов: «Что-то бьется, — никто не услышит, Ты услышишь? что-то болеет — никто не заглянет, Ты взглянешь? что-то горюет — никогда не откроется, Ты раскроешь? — Не дашь помереть тому, кто хочет жить? — Костя хочет жить» [Ремизов, 2000, с. 9].

Названные особенности книги «Мальчики и девочки» и примеры из прозы А. М. Ремизова показывают, что повесть Ивана Болдырева-Шкотта продолжает традиции орнаментальной прозы А. М. Ремизова.

Иначе написаны рассказы И. Болдырева-Шкотта. Созданные в одно время с повестью⁵, они сильно отличаются от нее и стилистически и тематически.

В августе 1927 г. в переписке с А. М. Ремизовым И. Шкотт упоминает работу над «Записками Ивана Степановича», которые он хочет опубликовать в газете «Дни». Он дает им название «Пирожки Ивана Степановича». Интересен комментарий автора: «Записки эти — непретензионная юмореска. Я на них отдыхаю, так как они легко пишутся, и сам смеюсь. По форме они близки произведениям Зоценки» [Болдырев, 2020, с. 223]. В письме за 19 ноября того же года он пишет: «...я обработал “Вступительное слово” и первую запись и опять обратился в «Литературную» нед^елю». Эту рукопись приняли» [Там же, с. 226]. «Вступительное слово»

³ Поэт Владимир Корвин-Пиотровский использует знак, похожий на двойные тире: дефис и тире (- —). Стихотворения с этими знаками встречаются уже в 1925 г. Например, «Снова хмель загулял во сне...»:

Паровоз за бугром свистит,
Бродит в снах колокольный звон —
Ты коня, молодец, пусти —
Половчанку бери в полон.

⁴ Роман «Плачущая канава» не был полностью опубликован в это время, но отдельные главы начали выходить в 1923 г. в журнале «Русская мысль».

⁵ В 1927 г. у Ивана Шкотта уже готова рукопись «Мальчиков и девочек», и он предпринимает попытки опубликовать ее в «Современных записках».

и «Запись от девятого апреля» опубликованы в литературном приложении газеты «Дни» за 27 ноября 1927 г. (№ 1250) под псевдонимом И. Радов. Позже в письме к С. П. Ремизовой И. Шкотт делится мнением писателя и критика Б. Сосинского о «Пирожках...», которому «первая часть (мещанская) понравилась больше, — я, признаюсь, рад этому» [Болдырев, 2020, с. 230].

В феврале 1928 г. И. Шкотт сообщает Ремизову, что его рассказ «Анюта» приняли в печать «Последние новости». Рассказ опубликован в № 2554 газеты под псевдонимом Иван Болдырев [Болдырев, 1928]. Считать это рассказ частью «Пирожков...» позволяет единство темы — жизнь русских в эмиграции, стиля — мещанский сказ, а также связь сюжетная. В «Анюте» рассказчик восклицает: «Нет, подумаешь, ехидные, нету мне одного талона на пищу в день!», в то время как в «Записи от девятого апреля» он конфликтует с распределителем талонов и лишается бесплатных обедов. Ремизов определял «Пирожки...» как «наблюдения надо “живой жизнью” русских в Париже» [Ремизов, 1981, с. 274].

Автор упоминал рассказы М. М. Зощенко в связи со своим рассказом, и, несомненно, они оказали влияние на «Пирожки Ивана Степановича». Рассказ выдержан в стиле мещанского сказа, повествование ведется от первого лица. Как во многих рассказах М. Зощенко 1920-х гг., например, «Попугай», «Пасхальный случай», «Баня», «Мокрое дело», в «Пирожках Ивана Степановича» рассказчик совпадает с главным действующим лицом и полностью погружен в описываемый им быт.

Большее сходство «Пирожки Ивана Степановича» имеют с «Рассказами Назара Ильича господина Синебрюхова». Рассказчик имеет биографию, его имя вынесено в заглавие. Первая часть обоих произведений — интерлюдия, не имеющая сюжета: у Зощенко — «Предисловие», у Болдырева — «Вступительное слово». В этих частях рассказчик сообщает о себе: человек он хотя простой, но очень одаренный, и только неудачная судьба заставляет его скитаться, Назара Ильича — по России, Ивана Степановича — за границей, и переживать описываемые злоключения. В «Рассказах...» за вступлением следуют четыре части, в «Пирожках...» — две. Части могут читаться как отдельные новеллы («Анюта» Болдырева была опубликована отдельно), независимые друг от друга, но они имеют упоминание событий предыдущих историй.

Подобие названий есть и в частях: «Виктория Казимировна» — «Анюта», названные женскими именами, они схожи и в сюжете: обе истории о попытке разбогатеть нечестным путем и постигшей героя неудаче. Общие трудности у героев и в рассказах «Запись от девятого апреля», «Гиблое место» — вроде бы герой нашел для себя сытное место: Назар Ильич в доме у Егора Савича, Иван Степанович — в столовой «на Глясьерке», но из-за непонимания и конфликта с окружающими вновь вынужден продолжать свои скитания.

Оба произведения имеют автобиографические детали. М. М. Зощенко в книге «Перед восходом солнца» пишет о своем участии в войне: «...два года подряд я был на позициях. Я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами». Фактологически его дальнейшая судьба не совпадает с судьбой Назара Ильича,

но это тоже были скитания: «Это было не твердое шествие по жизни, это было — замешательство».

В свою очередь, Иван Болдырев-Шкотт — эмигрант, вынужденный зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. Об условиях, в каких приходилось работать И. Болдыреву, вспоминал А. М. Ремизов: «На металлургическом заводе, где работа была очень деликатная — “постоянно на сквозняке или иногда приходится под дождем все восемь часов”, а после работы, в комнате-казарме на четырнадцать человек...». Болдырев и сам отмечает в письме Ремизову от 7 октября 1927 г.: «Иван Степанович... мне тоже близок» [Болдырев, 2020, с. 225].

В рассказе Зоценко смешиваются различные лексические пласты: солдатский жаргон и выражения военных рапортов, вкрапления «церковно-славянского» языка, преломленного неразвитым сознанием, канцелярские выражения, клише книжной речи, мещанский жаргон. Болдырев, добиваясь комического эффекта, также смешивает разные слои языка. Основой сказа Ивана Степановича является вульгарная речь: «я кушаю, и она кушает», «озверемши», «очень мне приспичило», «на чего я гожусь» и т. д., но эта речь содержит множество канцелярских и газетных клише: «физическая оболочка», «надлежит получать», «доподлинно известно», «кризис разрядился», «соотечественники», «во второй категории», «в критическом состоянии». Претензии рассказчика на литературность отражаются в эпитетах: «истинных чувств», «буйный темперамент» и пр.; христианских образах, также внедренных в мещанскую речь: «ровно в черную преисподнюю», «...и ради золотых заманок... легче мне пройти через сорок игольных ушек», «ровно царь Давид я вступаю в схватку с ужасным жребием» [Болдырев, 1928].

Однако в некоторых случаях Болдырев не идет вслед за Зоценко, а хронологически опережает его. Это — соотношение личности автора и рассказчика. Рассказ Зоценко имеет в начале ремарку: «Предисловие и рассказы записаны в апреле 1921 года со слов Н. И. Синебрюхова писателем М. З.». Такими образом, читателю однозначно дается понять, что писатель М. З. и господин Синебрюхов — разные люди, и все произведение — записанная устная речь рассказчика.

Но хотя речь героя рассказа «Пирожки Ивана Степановича» и синтаксически, и лексически близка к устной речи, это — записки, которые рассказчик подразумевает напечатать. При этом он рефлексировал над своим желанием писать и печататься, и кроме того, что «выявлю я свое умственное превосходство», называет и другую цель — «хочется за таких, вроде как я, замузганных, заступиться: рассказать все как они живут...» [Там же]. В этом случае рассказчик становится автором, а точнее — автор выдает себя за рассказчика.

Формальное совпадение автора и рассказчика появляется в рассказах Зоценко к концу 1920-х. Например, рассказ «Хороший знакомый» 1929 г.: «Пушай читатель за свои деньги чувствует — я печатаю этот рассказ прямо с опасностью для здоровья». М. О. Чудакова комментирует эту ситуацию: «Путем такого отождествления Зоценко заставляет увидеть за автором некое новое литературное право — говорить “от себя” (то есть без посредства рассказчика — будь то Иван Петрович Белкин, Рудый Панько или друг Васьки Бочкова), но “не своим” голосом» [Чудакова].

Но этим же правом воспользовался Иван Болдырев-Шкотт за два года до публикации «Хорошего знакомого» М. М. Зощенко.

Зощенко в статье «О себе, о критиках и о своей работе» объясняет: «Я пародирую своими вещами того воображаемого, но подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде... Я только пародирую. Я временно замещаю пролетарского писателя. Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям» [Зощенко, с. 10]. Маска же тульского парикмахерского сына Ивана Степановича нужна образованному москвичу Ивану Болдыреву-Шкотту для того, чтобы снизить пафос рассказов о собственных несчастьях, общих для многих эмигрантов: одиночестве, бедности, недоступности работы, не требующей изнурительного физического труда. Болдырев не пытается слепо подражать Зощенко, а отталкивается от формы для осуществления своих замыслов.

Третье направление творческих поисков И. Болдырева-Шкотта отражает рассказ «Мудрость леса». Он не был опубликован при жизни автора, но рукопись сохранилась в архиве редакции журнала «Звено», выходившего в Париже с 1923 по 1928 г. В настоящее время архив этого журнала находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Рукопись была отправлена И. Шкоттом в редакцию журнала вместе с сопроводительным письмом, где он пишет, что «сюжет этой сказки-поэмы слышал в одной из советских тюрем» [РГАЛИ, ф. 2475, оп. 1, ед. хр. 492].

В архиве РГАЛИ указаны годы — 1920-е, однако можно сделать предположение о более точном периоде написания и попытке публикации этого рассказа. В мемуарной книге писательницы З. А. Шаховской «Отражения» опубликованы письма от И. Шкотта, в том числе от 24 января 1933 г., где И. Шкотт кратко описывает свою биографию. Он пишет, что был арестован в 1924 г., перешел советско-польскую границу 1 октября 1925 г. и через три месяца прибыл во Францию [Шаховская]. В письмах к Ремизовым с августа 1927 г. нет упоминаний о работе над этим рассказом, хотя Иван Шкотт охотно делится своими творческими планами: часто говорится о работе над повестью («Мальчики и девочки»), рассказах «Пирожки Ивана Степановича» и «Амазонки» (этот рассказ был отправлен в газету «Последние новости», но результат неизвестен), а также задуманных цикле рассказов «Безумье» (из которого определенно существовал рассказ «Цветная сумятица») и пьесе «Созерцатель». Сам Ремизов помнит о другой сказке: «Весной 1927 года... Шкотт принес сказку... беспредметную, где действуют Электрон, Океан и Голоса» [Ремизов, 1981, с. 274].

Поэтому можно предположить: работа над сказкой «Мудрость леса» велась в 1925–1926 гг., и в 1926 г. Иван Шкотт попытался напечатать ее, после чего отказался от работы над этим рассказом. О том, что это произведение написано раньше других известных, может косвенно свидетельствовать отсутствие псевдонима Болдырев — в сопроводительном письме в редакцию журнала «Звено» он пишет: «...соблаговолите поставить только инициалы мои: И. Ш.» [РГАЛИ, ф. 2475, оп. 1, ед. хр. 492].

Рассказ «Мудрость леса» характеризуется самим автором как сказка-поэма. Несомненно, и на сюжет, и на стилистику рассказа оказали влияния романтические легенды, которые создавались в России в 1890–1900 гг. Викентием Викентьевичем Вересаевым, Александром Ивановичем Куприным и Алексеем Максимовичем Горьким.

Герой «Мудрости леса» Тер молод, красив и смел. «Он видит страдающих людей, жалких и слабых, и великая печаль в сердце его, и смелые мысли рождаются в голове», «...он должен найти истину и зажечь для людей солнце счастья». Подобно Данко (М. Горький «Старуха Изергиль», 1895) и Адеилу (В. Вересаев «Звезда», 1903), ради счастья людей он идет к цели, невзирая на опасности. Также в рассказе есть тема любви, которую герой встречает во сне и проносит через всю жизнь, подобно королю из «Забывтого поцелуя» А. Куприна, и страсти, которая дает герою необычайные силы, как Аль-Иссе из одноименного рассказа А. Куприна. В то время как Адеил или Данко не думают о своем личном счастье, а Аль-Исса равнодушен к другим людям, для Тера, героя И. Шкотта, достижение истины во благо людей и объект страсти сливаются вместе в образе Многоликой.

В рассказе много эмоционально-оценочной лексики: «прекрасный», «отвратительный» и т. д., очень часто встречаются такие слова, как «истина», «счастье», «тайна», «душа», «страдание».

Рассказ не был опубликован, неизвестно и о публикации других произведений, упомянутых автором в письмах и воспоминаниях современников о нем, но сохранившаяся рукопись иллюстрирует, насколько были разнообразны творческие интересы писателя.

За вторую половину 1920-х гг. Иван Болдырев-Шкотт создал романтическую легенду, рассказы в жанре городского сказа и повесть в традиции орнаментальной прозы — произведения, в которых отразились три направления русской литературы начала XX в. Это свидетельствует, что несмотря на эмиграцию, на вынужденное бегство из России и жизнь в Париже, писатель молодого поколения оставался укорененным в русской культуре, и литературными истоками его творчества были произведения, созданные на родном ему языке.

Болдырев И. Анята // Последние новости. 1928. № 2554, 20 марта. С. 2–3.

Болдырев И. Мальчики и девочки : повесть. Париж ; Берлин, 1929.

Грачева А. М., Дворникова Л. Я. Болдырев (настоящая фамилия Шкотт) Иван Андреевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиогр. словарь : в 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 254–256.

Дмитриев В. М. Повесть Ивана Болдырева «Мальчики и девочки»: к особенностям поэтики // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. № 4 (157). С. 26–37.

Димитриев В. М. Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920–1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 294 с.

Зайцев К. «Новые писатели» о советских детях // Россия и славянство. 1930. № 65, 22 февр. С. 3.

Зензинов В. Ивань Болдырев. Мальчики и девочки — В. С. Яновский. Колесо. Издательство «Новые писатели». Париж — Берлин. 1929–1930 // Соврем. зап. 1930. № 42. С. 525–529.

Зоценко М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1 : Разнотык : рассказы и фельетоны (1914–1924) / сост., вступ. ст. и примеч. И. Н. Сухих. М., 2008. 848 с.

Летаева Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: Проза на страницах журнала «Числа» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 180 с.

Литовская М. А., Матвеева Ю. В. Мальчики и девочки времен Республики ШКИД: о двух «школьных» повестях 1920-х годов // Семантическая поэтика русской литературы / ред. Н. В. Барковская и др. Екатеринбург, 2008. С. 313–322.

Мастера современной литературы. Михаил Зоценко : ст. и материалы / под ред. Б. В. Казанского и Ю. Н. Тынянова. М., 1928. 94 с.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург, 2008. 194 с.

Пильский П. Иван Болдырев. Мальчики и девочки. Повесть. Издательство «Новые писатели». Париж—Берлин // Сегодня. 1930. № 7, 7 янв. С. 6.

Радов И. Пирожки Ивана Степановича // Дни. 1927. № 1250, 27 нояб.

РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 492. И. Шкотт. Мудрость леса. Рассказ.

Ремизов А. М. Над могилой Болдырева-Шкотта // Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 289, 272–275.

Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Оказион. М., 2000. 672 с.

Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 : Плачужная канава. М., 2001. 560 с.

Червинская Л. И. Болдырев. Мальчики и девочки // Числа. 1930. № 2–3. С. 252–253.

Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зоценко (Проблема авторского слова) // Вопр. литературы. 1978. № 2. С. 166–186.

Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 170–175.

Шкотт (Болдырев) И. А. Собрание сочинений. М., 2020.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022 г.